

Сидоркин курган

В стародавние годы ходил-гулял в этих местах Сидорка, разбойничий атаман. Страху нагонял он великого на Русь вплоть до самой Рязани и Тулы. Ни купцу, ни боярину проезда от него не было, а стоял он со своей дружинишкой вольною на Хаве на реке, где она луку дала. Нашего брата крестьянина, иначе, не трогал он, а награждал еще всякого казной, дарил хлебом и одежей да с почестью по домам распушал. Как приехал к Воронежу царь Петр, так к Сидорке поклон послал: «Здравствуй, атаман, на многия лета! Спасибо тебе за твою правду, за то, что на Воронеже ты у меня порядки завел». А допречь того Сидорка и взаправду словно какой губернатор: чуть кто из начальства почнет неправду творить, да на чужом горбу ездить — тот час и шлет к нему Сидорка-атаман: «Выходи, дескать, на такое-то вот место, а не придешь, так и силком тебя приволочь заставлю». Вот сейчас придет начальство неправдивое — голову ему долой, да в Питер и отпишет царю: «Так и так, — говорит, — лишил я головы твоего начальника, потому от него народу тягота была». — «Выходи ты ко мне к Воронежу, — пишет царь Петр; — я тебя, атамана, награждать буду». Вышел к нему Сидорка. «Чем мне тебя, атамана, награждать будет?» — спрашивает царь. «Нечем тебе наградить меня, — говорит атаман, — казны у меня больше твоего, сила моя сильнее твоей: твоя силушка — неволюшка, моя силушка — охотушка. Довольно мне от тебя награды — слово твое ласковое, я и тем счастлив, что не слышу я плача да воя крестьянского». Сказал ему царь Петр спасибо и уехал под турку, да там и помер.

И пошел с той поры всякий недогляд, да недозор, да неправда — один Сидорка у себя на Хаве, да на Воронеже правдиво живет, крестьян в обиду не дает. И взбунтовались князья да бояре, да главные управители: «Не хотим мы Сидорку живым видеть, он нам упорство чинит, надо его за эту повинность живота лишить». Послали на Сидорку целый полк солдат; и не в охотку было им против Сидорки идти, да делать нечего. Пошло тут побоище великое — всех-то солдатушек перебил Сидорка. Прислали бояре сто полков, и их перебил Сидорка — никого не оставил вестей донести. Стосковались бояре, задумались: «Перебьет у нас всех солдатушек Сидорка и на семена не оставит; за кем нам тогда стоять будет?» Собрали бояре тысячу полков с конями да с пушками и пошли сами на Сидорку. Сидит Сидорка на бережку, на Хаве на реке, и горькими слезами заливается. «Чую

я смертушку лихую-безысходную; умереть мне нонеча перед вечером. Придите ко мне вы, крестьяне, — народ воронежский! Помогите мне в моей беде!»

Пришли к нему тогда все крестьяне с-под Тулы, Рязани и Воронежа, и собралось у него рати — перечесть нельзя. Пришли и полки с-под Питера: становились полки в степи, а подле луки на реке стояла рать Сидоркина. Захотели полки перечесть рать Сидоркину — ей и сметы нет. Бросили солдаты считать, стали считать генералы, да те со счету сбилися — чихвирию не хватило. Вечеру стали снова считать генералы, а солдаты стали для них землю шапками таскать, и натаскали гору целую — на третьем мильонте бросили, остальных не видать — далеко рать раскинулась. Вечеру сошлись рати, и боярская и Сидоркина, и был тут бой страшнейший. Ложатся полки, как снопы в поле, а Сидоркина рать все стоймя стоит.

Сидорка топором что в лесу орудует. Семерых генералов отделал, к восьмому подскакивает; изловчился-приловчился да как в самое темя болтыхнет его, тот так и не капнулся. Поглядел Сидорка генералу в очи — ан это брат его родненький. «Братец ты миленький! Как ты попал сюда?» — «Видно, доля моя такая горькая, — говорит ему брат. — Служить, так служить; стали меня на тебя посылать — и не хотел идти, да нельзя послушаться приказа царского, решенья боярского». Как услышал эти слова Сидорка, обнял он брата своего крепко-накрепко и возговорил своим ребятушкам таковы слова: «Ой вы гой еси, ребятушки мои, народ православный! Мне не жить у вас, не служить мне вам — умирать пора, уж настал мой час. Я помру тотчас — чует конец мое сердце богатырское. Уж копайте вы яму глубокую, зарывайте мой гроб в глубину земли; накладайте наверх тяжел камушек; я до той поры лежать буду, покуда не пройдет на Руси беззаконие да неправда, не станет брат руку поднимать на родного брата. Вы простите мне, народ православный, все грехи мои невольные и вольные, мои помыслы и слова мои, погребайте меня во сыру землю — ничего у меня на Руси не осталось». Воздохнул он один только раз и выпустил дух из себя.

Разошлись по дворам все крестьяне — рать Сидоркина, а Сидорку на том самом месте попы погребли, где солдаты гору насыпали. Хотели было бояре да князя вынуть тело Сидоркино, сжечь да разметать по ветру; принимались они ту гору рыть, да не достали; раз было уж совсем дорылись, да ушло оно в землю, в такую глубину, что и счесть нельзя. И до

сей поры две ямы на Сидоркином кургане видны — из Питера приезжали, хотели тело Сидоркино выкопать.

(Зап. от ямщика В. Яковлева из г. Усмани.)

Майнов В. Предание о Сидоркином кургане // Русская старина. 1872. № 6.